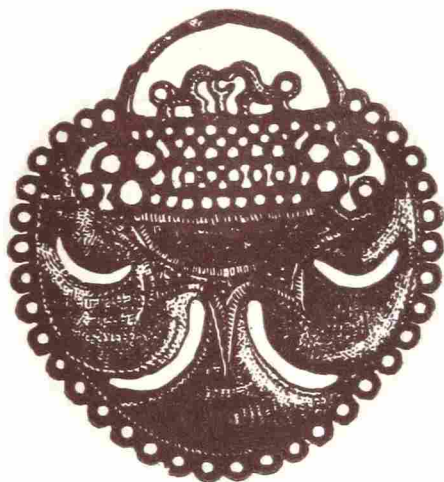

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

СОВЕТСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ

2
1977

К. М. БАЙПАКОВ

О ЛОКАЛИЗАЦИИ ПОЗДНЕСРЕДНЕВЕКОВЫХ ГОРОДОВ КАЗАХСТАНА

В последние годы благодаря усилиям историков, востоковедов и археологов все более отчетливо вырисовывается роль и значение позднесредневековых городов в истории сложения казахской народности и государственности. Опубликован свод источников, освещающих период XV—XVI вв., появились статьи, посвященные характеристике городов, их хозяйственному, военно-политическому значению¹.

Археологические исследования, масштабы которых увеличились вместе с организацией в 1971 г. Южно-Казахстанской комплексной археологической экспедиции, выявили группу ранее неизвестных позднесредневековых городищ, а также уточнили датировки уже знакомых памятников².

В итоге стало возможным конкретизировать местоположение ряда городов и кроме достаточно четко локализованных Сайрама, Сюткента, Отрара, Туркестана, Саурана, Сырнака, Дженда, Янгикенда и Сузака отождествить и другие упомянутые в источниках города с конкретными городищами в долинах Арыси, Сырдарьи и в предгорьях Каратау (рис. 1).

В среднем течении Арыси, согласно источникам, располагались два города. Наибольшей известностью пользовался Карасеман (Кара-Саман, Халадж-Карасман). Впервые о нем сообщает Низам ад-дин-Шахи. Здесь в Карасемане в 1392 г. Тимур принимал послов Тохтамыша. В начале XV столетия город упоминается в связи с войной могольского хана Мухаммеда с Улугбеком. Один из отрядов моголов под началом Шах-Джехана осадил Сайрам и дошел до Кара-Самана, «места в окрестностях Отрара»³. В XVI в. Халадж-Карасман назван Хафизом Танышем в «Шараф-наме-йи Шахи» как укрепление, где была оставлена часть войска и обоз Абдаллах-хана во время его похода в глубь казахских степей в 1581—1582 гг.⁴

Кара-Саман отождествляется с городищем Караспан у с. Обручевка на Арыси. Е. И. Агеева и Г. И. Пацевич предложили датировку горо-

¹ Материалы по истории казахских ханств XV—XVIII вв. Алма-Ата, 1970 (далее в тексте — МИКХ); С. К. Ибрагимов, «Михман-намеи Бухара» Рузбехана как источник по истории Казахстана XV—XVI вв. Тр. ИИАЭ АН КазССР, 8, 1960, стр. 155—157; *его же*. Сочинение Масуда бен Османи Кухистани «Тарих-и Абулхайр-хани». Изв. АН КазССР, сер. истории, археологии и этнографии, 3, 1958, стр. 85—102; *его же*. «Шейбани-наме» Бенаи как источник по истории Казахстана XV в. Труды сектора востоковедения АН КазССР, 1, 1959, стр. 190—207; К. А. Пищулина, Присырдарьинские города и их значение в истории казахских ханств в XV—XVII вв. Сб. «Казахстан в XV—XVIII вв.». Алма-Ата, 1969, стр. 5—49.

² К. А. Акишев, К. М. Байпаков, Л. Б. Ерзакович. Древний Отрар. Алма-Ата, 1972, стр. 123—180.

³ В. В. Бартольд. Улугбек и его время. Соч., т. II, ч. 1. М., 1964, стр. 93.

⁴ МИКХ, стр. 269, 271, 280, 283.

На правобережье Арыси, неподалеку от слияния с Боролдаем, наиболее поздняя керамика в подъемном материале встречена на городище Узун-тобе, расположенном на территории с. Чубаровка. Это высокий, подчетыреугольный в плане бугор, вытянутый с востока на запад на 200 м и с севера на юг на 100 м. Цитадель расположена в северо-западном углу, высота ее 15 м. Датируется городище Узун-тобе VII—XVI вв.⁹ Эти данные позволяют локализовать Яганкент (Йаканкент) на месте городища Узун-тобе.

Крупным экономическим и политическим центром на юге Казахстана был Отрар. Неподалеку от него источники помещают сел. Чилик. Когда после смерти Тимура военачальники начали подготовленный поход, то дошли до сел. Чилик, расположенного в пяти фарсах восточнее Отрара¹⁰. Название Чилик сохранилось в современной топонимике. Так называется населенный пункт, расположенный в 30 км северо-восточнее развалин Отрара.

Неподалеку от него находится городище Бузук-тобе (Ак-тобе). Центральные развалины его имеют вид овального в плане бугра протяженностью 300 м с востока на запад и 150 м с севера на юг.

Цитадель находилась в южной части. Это круглый холм с площадкой наверху. Диаметр ее 90, высота 13 м. Шахристан имеет высоту 6—7 м. Поверхность его почти плоская, и лишь в юго-восточной части прослеживаются два бугра — остатки монументальных построек. Въездов два: центральный в юго-западной стороне бугра и второй в юго-восточной. Оба въезда соединялись улицей. К центральному бугру примыкает неукрепленный рабад. Шурф, заложенный на шахристане городища, прорезал верхние слои на глубину 2,5 м. В шурфе удалось выявить остатки строительных конструкций. Керамика из шурфа датирует верхние слои городища XIII—XV вв.¹¹

Следовательно, местонахождение Бузук-тобе, его датировка, а также сохранившийся до сих пор древний ойконим, свидетельствуют в пользу отождествления позднесредневекового селения Чилик с городищем Бозук-тобе.

Центром большого земледельческого округа был Яссы — Туркестан. Здесь, кроме достаточно четко отождествленных самого Туркестана и Икана, источники упоминают многочисленные селения вокруг. Среди них Карачук, Карнак, Йунка и Сури¹².

Селению Карнак, которое прославилось как место, где отливали казан для мавзолея Ахмеда Ясеви, соответствует позднесредневековое городище Ишкан в с. Атабай, в 25 км севернее Туркестана. Это село до недавнего времени носило название Карнак, сохранив, таким образом, имя древнего города¹³. Городище Ишкан датировалось исследователями XIII—XV вв.¹⁴ Работами последних лет установлены другие хронологические рамки его жизни — XIII—XVIII вв. Поэтому отождествления Карнака с городищем в с. Чарнак, а городища Ишкан в свою очередь с Шагильджаном¹⁵, предложенные Е. И. Агеевой и Г. И. Пацевичем, не выдерживают критики. Ишкан не дает материалов раньше XIII в., которые обязательны для Шагильджана, упомянутого в X в., а Садык-Ата-тобе (Сейдак-Ата) в Чарнаке прекращает жизнь в X в.

Карачук и Йунка названы Хафизом Танышем в описании похода Абдаллах-хана. Оба селения были расположены в дне пути от Икана¹⁶.

⁹ К. А. Акишев, К. М. Байпаков, Л. Б. Ерзакович. Новое в средневековой археологии..., стр. 8, 9.

¹⁰ В. В. Бартольд. Ук. соч., стр. 72, прим. 74.

¹¹ К. А. Акишев, К. М. Байпаков, Л. Б. Ерзакович. Древний Отрар, стр. 165—170.

¹² К. А. Пищулина. Ук. соч., стр. 20.

¹³ М. Е. Массон. Мавзолей Ходжи Ахмеда Ясеви. Ташкент, 1930, стр. 16.

¹⁴ Е. И. Агеева, Г. И. Пацевич. Ук. соч., стр. 102—104.

¹⁵ Там же, стр. 104.

¹⁶ МИКХ, стр. 269.

Карачук, кроме того, известен и в русских источниках XVII в. Он помещен в 5 верстах не доезжая Туркестана, на караванной дороге из Сибери в Туркестан¹⁷. Название Карачук сохранилось в имени речки Карачик. На берегах ее найдено и обследовано несколько городищ.

Поздний материал встречен на городище Тортколь-тобе II. Городище расположено на левом берегу р. Карачик, в 8 км от Туркестана, состоит из двух частей, разделенных промоиной шириной 20 м. Западная часть представляет прямоугольный плоский бугор высотой 4—5 м, окруженный со всех сторон оплывшей стеной высотой 5,5 м. На ней через каждые 25—30 м устроены башни, от которых сохранились всхолмления высотой 0,5 м над общим уровнем вала.

Северная стена городища равна 120 м, северо-западная 60, западная 130, южная 100 и восточная 120 м. Главный въезд в эту часть городища находился с северо-запада. Это впадина в стене, шириной 5 м. От въезда, под углом к западной и южной стенам, идут две улицы, вдоль которых группировались жилые постройки. От них сохранились плоские прямоугольные, квадратные и округлые в плане бугры. В 10 м юго-западнее расположен подтреугольный бугор со стороной 60 и высотой 2 м. Он покрыт кусками шлака, бракованной посудой, зольниками. Думается, что здесь ближе к реке располагались керамические мастерские. Восточная часть городища в значительной степени размыта р. Карачик. Полностью сохранились западная, южная и восточная стены. Размеры их равны соответственно 130, 125 и 200 м. По периметру городище укреплено валом. Особенно мощным был вал с восточной припольной стороны. Башни на нем устроены через каждые 10 м. Мощность культурного слоя, судя по срезу обрыва в северной части городища, составляет 4,5—5 м (рис. 2).

В керамике преобладают типы посуды, характерные для XV—XVIII вв.¹⁸ Таким образом, отождествление Тортколь-тобе II и позднесредневекового Карачука не вызывает особых сомнений.

Городище, которое должно соответствовать сел. Йунка, согласно сообщению Хафиза Таныша, следует искать неподалеку от Карачука. Рядом с Тортколь-тобе II, в 7—8 км северо-восточнее, находится городище Жойнек-тобе (Додвен). Как явствует из названия городища, оно в несколько искаженном виде сохранило имя позднесредневекового города. Часть городища подмыта р. Ирменсай и обвалилась. В разрезе берега определяется толщина культурного слоя. Наибольшая мощность его достигает 10—12 м. Оставшаяся часть памятника представляет собой овальный бугор, наибольшая высота которого равна 10 м. Здесь находится круглая в плане площадка диаметром 15 м. Вся поверхность городища занята буграми, плоскими сверху и округлыми в плане. Вход прослеживается в середине южной стороны и представляет собой ложбину шириной 10 м. Размеры сторон бугра: юго-восточная 70, восточная 150 м. За пределами главного бугра городища видны следы застройки. Они тянутся вдоль реки на 200 м.

Керамика, собранная на поверхности городища, извлеченная из осыпей, из культурных наслоений, охватывает время с V—VIII по XVIII в.¹⁹

О Сури известно также по сведениям Хафиза Таныша. Здесь расположились войска Абдаллах-хана, которые до этого находились в Халадж-Карасмане. Они «пришли в Сури — подвластную Туркестану землю — и расположились здесь лагерем»²⁰. Согласно переводу К. А. Пищулиной, Сури было селением²¹.

¹⁷ Материалы по истории Узбекской, Таджикской и Туркменской ССР, ч. I. Л., 1932, стр. 262, 263.

¹⁸ К. А. Акишев, К. М. Байпаков, Л. Б. Еракович. Древний Отрар, стр. 175, 176.

¹⁹ Там же, стр. 176, 177.

²⁰ МИКХ, стр. 283.

²¹ К. А. Пищулина. Ук. соч., стр. 20.

Восточнее Туркестана находится городище Сор-тобе, которое следует отождествить с позднесредневековым Сури, тем более что городище дает материалы XVI—XVIII вв.

Из городов и селений левобережья Сырдарьи источники называют кроме Сюткента Куджан, Аркук, Ак-Курган и Узгент²².

Куджан (Куган) впервые упоминается в связи с походом Абдаллах-хана в Дашт-и-Кипчак. По пути в Узгент отряды Абдаллах-хана последовательно прошли Куджан, Аркук, Ак-Курган²³.

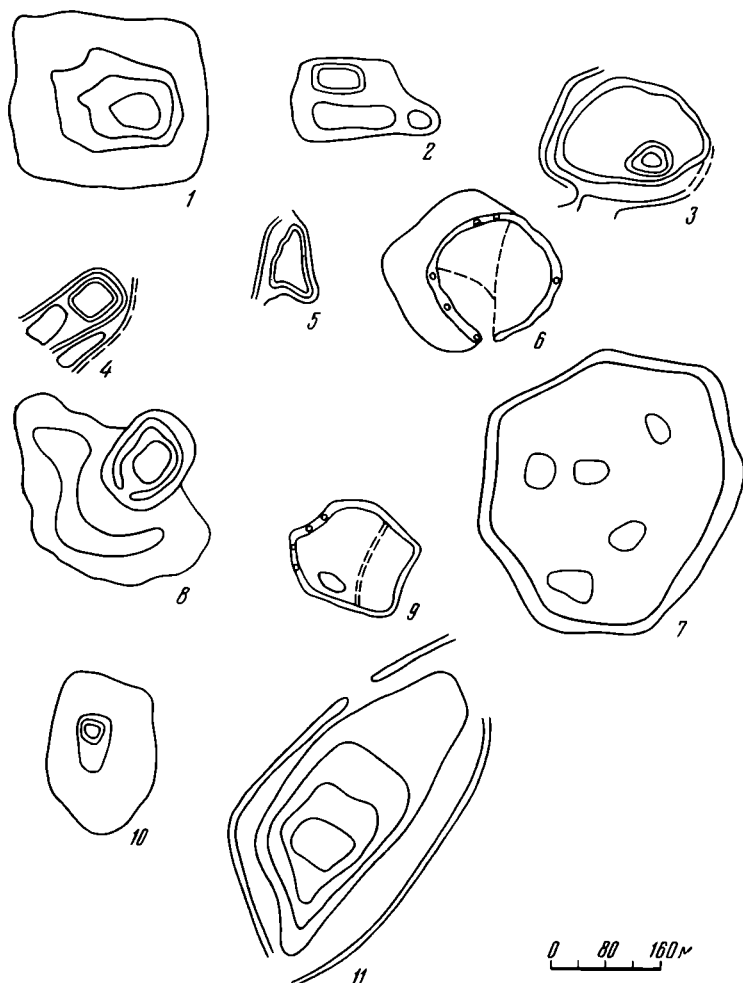

Рис. 2. Планы городищ. 1 — Караспан; 2 — Узун-тобе; 3 — Бузук-тобе (Ак-тобе); 4 — Ишкан; 5 — Жойнек-тобе; 6 — Кавган-Ата; 7 — Бузук; 8 — Ак-Курган; 9 — Кыр-Узгент; 10 — Куль-тобе; 11 — Кумкент

Куджану соответствует городище Кавган-Ата (Кауган-Ата). Характеристика топографии городища, приведенная в работах Е. И. Агеевой и Г. И. Пацевича, не соответствует действительности²⁴.

Городище Кавган-Ата находится на южной окраине пос. Балтакуль и представляет округлый в плане плоский бугор высотой 8—10 м. Диаметр его равен 160—170 м. По периметру городище окружено стеной, состоящей из сомкнутых под тупым углом отрезков.

²² Впервые о группе городищ на левобережье Сырдарьи сообщил В. А. Каллаур (Древние города, крепости и курганы по реке Сыр-Дарье, в восточной части Перовского уезда. ПТКЛА, год 6. Ташкент, 1901, стр. 69—78).

²³ МИКХ, стр. 258, 259; К. А. Пищулина. Присырдарьинские города..., стр. 31.

²⁴ Е. И. Агеева, Г. И. Пацевич. Ук. соч., стр. 125, 126.

В местах соединения отрезков располагались башни. Вокруг стены находится оплывший ров шириной до 10 и глубиной 2 м. Въезд внутрь городища устроен в нижней части стен. Улица, которая начинается прямо от въезда, делит территорию городища на две равные части. В центре городища от центральной улицы на запад отходит еще одна, отчетливо прослеживаемая в топографии улица. Вокруг центрального бугра видны следы застройки.

Керамика, собранная на поверхности городища, датируется XV—XVIII вв. Встречаются отдельные фрагменты и более раннего времени²⁵.

Город Аркук, названный в перечне населенных пунктов на Сырдарье вслед за Куджаном, характеризуется в источниках достаточно обстоятельно²⁶.

Первое упоминание о городе встречено во второй четверти XV в. в сочинении Масуда бен Османи Кухистани. Аркук наряду с Ак-Курганом и Узгентом упоминается как город, захваченный Абу-л-Хайром во время его похода на Сыгнак²⁷.

В начале XVI в. Аркук получил известность как стратегическая крепость и центр богатого экономического района; город смог снабдить фуражом и провиантом армию Мухаммеда Шейбани. Несмотря на то что дело происходило зимой, войско получило все необходимое. «...И это дело весьма диковинное, — замечает Рузбехан, — потому что если прохождение войска случилось бы через большую часть местности Мавераннахра, Хорасана, Ирана и Азербайджана, и оно потребовало бы провизию на один месяц, то, возможно, разорилось бы и погибло бы множество народу от наказаний, мучений при поисках хлеба. Войско не могло бы удовлетворить своих потребностей, а те местности лишились бы красоты, благоустройства и процветания, и даже долгое время спустя никто бы не посеял семян на пашнях ни в одном округе из округов»²⁸.

Во второй половине XVI в. Аркук упоминается как промежуточный пункт на караванной дороге, проходящей по левому берегу Сырдарьи. Известно также, что в окрестностях Аркука и Куджана формировались отряды Бузахар-Султана²⁹.

В свое время Е. И. Агеева и Г. И. Пацевич отождествили с Аркуком городище Артык-Ата или Бозук-тобе, расположенные в урочище Ак-Куль³⁰. Однако датировки, предложенные ими для этих памятников, оказались неточными. Артык-Ата доживает до XII в., а не до XIV в.; Бозук-тобе датируется на основании подъемного материала XIV—XVIII вв. Таким образом, средневековому Аркуку должно соответствовать городище Бозук-тобе.

За Аркуком вниз по Сырдарье источники XV—XVIII вв. помещают город Ак-Курган. В «Истории Абу-л-Хайр-хана» Масуд бен Осман Кухистани называет Ак-Курган в числе городов, добровольно сдавшихся Абу-л-Хайр-хану наряду с Сыгнаком, Сузаком и Аркуком³¹. У Хафиз Таныша Ак-Курган упоминается в связи с деятельностью шейбанида Баба-Султана³².

Город известен и русским источникам. В «Книге Большому Чертежу» Аккурган-град помещен в 70 верстах от Яныкурмана (Яны-Курган) и в 110 верстах от Сайрама (Сайрама)³³.

²⁵ К. А. Акишев, К. М. Байпаков, Л. Б. Ерзакович. Древний Отрар, стр. 162—164.

²⁶ К. А. Пищулина. Ук. соч., стр. 24, 25.

²⁷ МИКХ, стр. 159.

²⁸ Р. Джалилова. К истории аграрных отношений в государстве Шейбани-хана в начале XVI в. ОНУ, 1963, 9, стр. 39.

²⁹ МИКХ, стр. 260, 261.

³⁰ Е. И. Агеева, Г. И. Пацевич. Ук. соч., стр. 125—128.

³¹ МИКХ, стр. 159.

³² Там же, стр. 260.

³³ А. И. Махеев. Географические сведения «Книги Большому Чертежу» о киргизских степях и Туркестанском крае. ЗРГО, т. VI, 1880, стр. 31.

Городище, сохранившее название города, расположено в 4 км от берега Сырдарьи. Это большой двухъярусный бугор трапециевидной формы, ориентированный сторонами по странам света. Наиболее высокая часть городища, размерами 150×110 м, возвышается на 6 м над общей поверхностью развалин. Эта часть городища, видимо цитадель, была укреплена стеной с башнями.

Вокруг возвышенной части расположены развалины в виде плоского, подчетыреугольного в плане бугра. Размеры его сторон: восточная 210, западная 240 и южная 230 м. Городище опоясано рвом. Датируется памятник на основании подъемного материала XIII—XVIII вв.³⁴

Таким образом, отождествление Ак-Кургана с одноименными развалинами не вызывает сомнения.

Уверенно локализуется еще один левобережный город — Узгент. Он впервые упоминается вместе с Сыгнаком, Аркуко ми Ак-Курганом в числе городов, сдавшихся Абу-л-Хайр-хану. Затем город описывается в связи с началом деятельности Мухаммеда Шейбани-хана. Именно из Узгента выступил отряд Хамзы-бека после того, как Мухаммед Шейбани-хан занял Аркук. Отряд был разбит, а Узгент сдался без боя. Здесь был оставлен гарнизон в 20 человек во главе с Мухаммад-Тимуром.

Узгент славился своими укреплениями. Известен факт, когда город выдержал осаду четырехтысячного войска³⁵.

Затем Узгент упоминается Хафизом Танышем в событиях второй половины XVI в.³⁶

Городище, которое называется Кыр-Узгент, представляет собой многоугольный бугор, окруженный по периметру стеной с круглыми башнями. Наибольшая протяженность бугра с севера на юг составляет 250—300 м. По периметру его идет стена с 15 башнями. Городище опоясано также рвом. Въезд расположен в восточной части. Центральная улица, которая начинается въездом, пересекает территорию и подходит к водохранилищу—хаузу, расположенному в западной части городской территории. Вокруг центрального бугра прослеживаются участки садов, остатки ирригационных сооружений. Датируется городище XIII—XVIII вв.³⁷

На северных склонах Каратау крупнейшим городом был Сузак³⁸. Развалины его находятся на территории одноименного села.

Рядом с Сузаком источники XV—XVI вв. помещают населенный пункт Кара-Курун. У Бенаи в «Шейбани-наме» описывается эпизод подготовки Бурундук-хана к военной кампании против узбеков: «Собрав пешие и конные войска из людей Сузака и окрестностей Кара-Куруна соединил [их в одно] большое войско»³⁹. Есть мнение об отождествлении Кара-Куруна с местностью Кара-Куль⁴⁰. Это, однако, не соответствует действительности, поскольку Кара-Кулем называлась местность и канал, выведенный из Сырдарьи вблизи Сыгнака, тогда как Кара-Курун находится на северных склонах Каратау. Поиски здесь привели к открытию городища Куль-тобе, расположенного в 25 км западнее Сузака в ущелье, носящем название Карагур.

Цитадель городища в плане имеет вид треугольника, окруженного стеной из плит камня. Размеры сторон соответственно равны: северная 30, западная 70, юго-западная 40, юго-восточная 60 и восточная 30 м.

Внутри поверхность цитадели плоская. На ней в южной части находится бугор диаметром 15 м. К цитадели с южной стороны примыкает

³⁴ К. А. Акишев, К. М. Байпаков, Л. Б. Ерзакович. Древний Отрар, стр. 162.

³⁵ МИКХ, стр. 112, 113.

³⁶ Там же, стр. 260, 261.

³⁷ К. А. Акишев, К. М. Байпаков, Л. Б. Ерзакович. Древний Отрар, стр. 160, 161.

³⁸ МИКХ, стр. 106.

³⁹ Там же, стр. 21.

⁴⁰ Там же, прим. 20 на стр. 509.

плоский бугор с подковообразным возвышением по краю. Протяженность его 35 м.

Цитадель расположена в центре шахристана, протяженность которого с севера на юг составляет около 200, с востока на запад 120 м. Со всех сторон площадка бугра шахристана, высота которого равна 5—6 м, окружена стеной, сложенной из сырцового кирпича и каменных плит. К ней по периметру пристроены прямоугольные постройки на каменных основаниях. Вокруг шахристана расположен рабад, границы которого точно установить не удалось. Следы построек, керамика встречаются по ущелью на расстоянии 2 км вниз и 0,5 км вверх по течению реки.

Таблица основных периодов жизни городищ

Древнее название города	Название городищ	Века				
		VI—VIII	IX—X	XI—XII	XIII—XV	XVI—XVIII
Карасеман	Караспан		×	×	×	×
Яганкент	Узун-тобе	×	×	×	×	×
Чилик	Бузук-тобе (Ак-тобе)	×	×	×	×	
Карнак	Ишкан				×	×
Карачук	Торткуль II				×	×
Йунка	Жойнек-тобе	×	×	×	×	×
Сури	Сор-тобе				×	×
Куджан	Кавган-Ата				×	×
Арчук	Бузук				×	×
Ак-Курган	Ак-Курган				×	×
Узгент	Кыр-Узгент				×	×
Кара-Курун	Куль-тобе				×	×
Кумкет	Кумкент	×	×	×	×	×

Керамика, собранная на поверхности городища, датируется XV—XVI и XVII—XVIII вв.⁴¹

На северных склонах Каратау на дороге из Сузака в Сауран источники помещают крепость Йилан-Караул. Когда Абдаллах-хан осаждал Сауран, другая часть его войска находилась у Сузака. Абдаллах приказал войску, стоящему у Сузака, объединиться, и по пути войско прибыло «к одной крепости, укрепленной и сильной, носящей название Йилан-Караул. Здесь, укрепившись, сидело многочисленное войско Дашта и препятствовало проезду»⁴².

Если учесть, что войско следовало через горный перевал Баджи, тогда Йилан-Караулу, видимо, соответствует безымянная крепость, обнаруженная и обследованная севернее Сузака. Она датирована XVI—XVIII вв.⁴³

В числе позднесредневековых населенных пунктов на северных склонах Каратау назван Кумкет. Он упомянут в конце XIV в.⁴⁴ Город отождествляется с городищем, которое сохранило до сих пор название Кумкент⁴⁵.

Таким образом, археологические поиски и исследования позднесредневековых городищ уже сейчас позволяют привязать к конкретным памятникам такие летописные города и селения, как Карасеман, Яганкент на Арыси; Чилик на Бугуни; Карачук, Йунка, Сури вблизи Туркестана;

⁴¹ К. А. Акишев, К. М. Байпаков, Л. Б. Ерзакович. Древний Отрар, стр. 179, 180.

⁴² МИКХ, стр. 293.

⁴³ Устное сообщение археолога С. Жолдасбаева.

⁴⁴ Материалы по истории туркмен и Туркмении. М.—Л., 1939, т. I, стр. 521.

⁴⁵ См. Е. И. Агеева, Г. И. Пацевич. Ук. соч., стр. 112, 113.

Куджан, Аркук, Ак-Курган и Узгент на левобережье Сырдарьи; Кара-Курун, Йилан-Караул и Кумкент на северных склонах Каратау (таблица). Интересно, что часть из них возникает в XV—XVI вв., в период сложения и расцвета казахских ханств.

K. M. Baïpakov

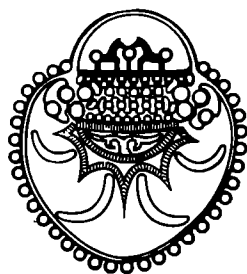
LA QUESTION DE L'EMPLACEMENT DES VILLES DU BAS MOYEN AGE
AU KAZAKHSTAN

Résumé

L'article offre une description d'un groupe récemment découvert de goroditchés datant du bas Moyen Age, qu'on identifie avec des villes des XVe et XVIIIe siècles, bien connues par les sources écrites. Tous ces goroditchés sont situés dans le bassin du Syr-Daria. Il est intéressant de noter qu'une partie d'entre eux est apparue aux XVe et XVIe siècles, à l'époque de la formation et de l'épanouissement des khanats khazaks.

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ

СОВЕТСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ

*Журнал основан в 1957 году
Выходит 4 раза в год*

№ 2

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
МОСКВА 1973

СРЕДНЕВЕКОВОЕ ПОГРЕБЕНИЕ В ИЛИЙСКОЙ ДОЛИНЕ

Осенью 1971 г. при строительстве птицефабрики близ пос. Мирный (Алма-Атинская обл., Талгарский р-н) было обнаружено захоронение. К моменту прибытия археологической группы кости скелета и погребальный инвентарь были уже извлечены из земли. Анатомический порядок сохранили лишь берцовые кости ног, находившиеся в той части могильной ямы, которая осталась непо потревоженной.

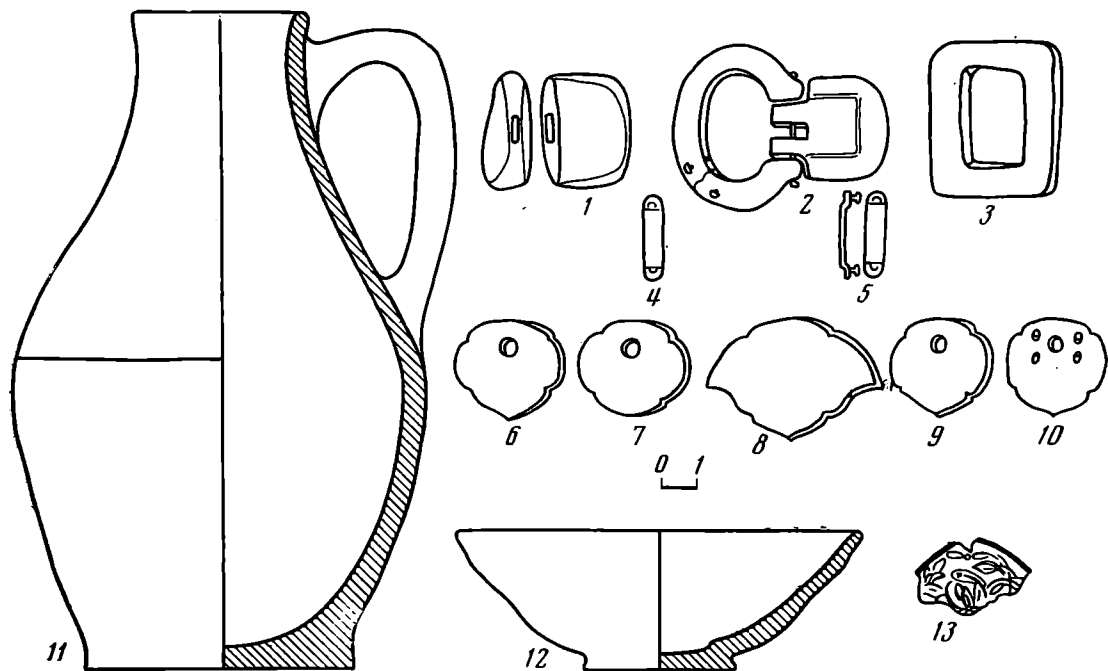

Рис. 1. Погребальный инвентарь

Погребение находилось в 0,5 км от р. Талгар, на левой береговой террасе. Могила выкопана в твердой глине желтого цвета, поэтому стенки ее прослеживались четко. Форма могилы овальная, длина ямы 1,80—1,85, ширина 0,8, глубина 1,9—2 м. Длинной осью могила ориентирована по линии север—юг. Покойник лежал на спине в вытянутом положении, головой на север, с руками вдоль туловища. Погребение принадлежит мужчине старческого возраста смешанного (южносибирского) антропологического типа¹. Около черепа обнаружены обломки серебряной пластинки с тисненым растительным орнаментом (рис. 1, 13). Слева от черепа у края ямы стояли два глиняных сосуда — кувшин и чаша типа пиалы (рис. 1, 11, 12).

Кувшин сделан на круге из плотного с примесью песка теста. Обжиг кремевый, стенки снаружи покрыты розовым ангобом. На боку имеется темное пятно нагара. Горло (диаметр 4,5 см) плавно переходит в овальное, раздутое в плечиках тулово; этот переход отмечен невысоким уступом. Горло и плечики соединяет коленчатая, плоская в сечении ручка. Чаша сделана на круге и покрыта изнутри и частично снаружи прозрачной поливой, положенной на белый ангоб. Стенки плавно расширяются от плоского дисковидного поддона. Диаметр чаши 12, высота стенок 4,5 см. Столовый кувшин с коленчатой пластинчатой ручкой и чаша, покрытая прозрачной поливой поверх белого ангоба, находят близкие параллели в керамике городов и поселений северо-восточного Семиречья XI—XIII вв.²

¹ Определение антрополога О. Исмагулова.

² К. М. Байпаков. Раннесредневековые города и поселения Северо-Восточного Семиречья. Сб. «Новое в археологии Казахстана». Алма-Ата, 1968, стр. 80, 81, рис. 5, 11—17, 24.

В области нижних позвонков и на костях таза лежали нефритовые наконечник, пряжка, рамка и пять блях от поясного набора (рис. 1, 1—3, 6—10; рис. 2)³. Здесь же обнаружены две серебряные скрепки (рис. 1, 4, 5). Пряжка двухсоставная, пластинка на внутренней стороне имеет три пары гнезд от серебряных проволочных скобок для крепления к основе пояса. Видны следы ремонта. Пряжка была сломана на изгибе и затем стянута серебряной скобкой. Язычок не сохранился. Внешняя часть пряжки отшлифована. Наконечник имеет подпрямоугольную форму со скругленными углами. Прямоугольное отверстие слегка сужено к выходу. Наконечник отшлифован со всех сторон.

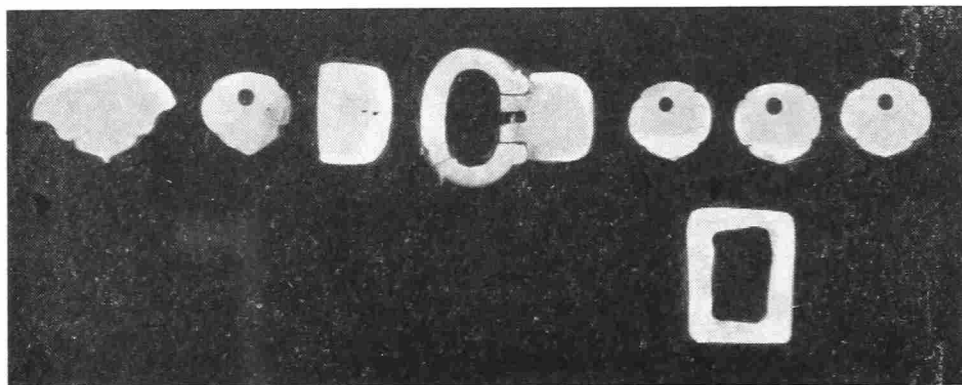

Рис. 2. Нефритовые детали пояса

Четыре бляхи имеют овальную форму, суженную книзу в виде заостренной арочной дуги, в верхней части — круглое отверстие. Внешняя поверхность блях отшлифована, на внутренней по две пары гнезд от скобок. В некоторых гнездах сохранились обломки серебряных проволочных скобок. Пятая бляха имеет вытянутую по горизонтали форму, края ее вырезаны в виде смыкающихся дуг, нижняя часть оформлена в форме стрельчатой арки. Снаружи бляха отшлифована, на внутренней поверхности три пары гнезд от серебряных скобок. Рядом с пряжкой прямоугольная рамка, отшлифованная со всех сторон. Таков погребальный инвентарь захоронения, обнаруженного в низовьях р. Талгар.

В Семиречье известны захоронения с аналогичным погребальным обрядом, изделиям из нефрита и посудой. Несколько погребений обнаружено к северу от рабада Александровского городища в 1938—1940 гг. Семиреченской археологической экспедицией, возглавляемой А. Н. Бернштамом. Покойники помещались в грунтовые ямы в вытянутом положении, головой на север, и лишь в одном случае погребение перекрыто шатром из сырцовых кирпичей. В могилах встречены нефритовые пряжки поясных ремней и нефритовые серьги. Одиночное погребение обнаружено на городище Джуль вблизи Фрунзе. В могиле найдено витое кольцо из нефрита, кувшин, покрытый белой поливой, и бронзовая ппала. Поясные пряжки из нефрита также найдены на городище Сарыг и в районе Кенбулуновского кладбища⁴. Погребения вышеописанного типа с нефритовыми поделками А. Н. Бернштам датировал второй половиной XII в. и считал киданьскими⁵.

Поиски параллелей вещам из Илийского погребения уводят в районы к северо-востоку от Семиречья. Так, серебряные тисненые украшения с

³ Нефрит, по заключению геолога Т. Б. Александровской, местного происхождения.

⁴ Чуйская долина. МИА, 14, 1950, стр. 139, 140, табл. XXXIX, 4: ХС.

⁵ А. Н. Бернштам. Историко-археологические очерки Центрального Тянь-Шаня и Памиро-Алтая. МИА, 26, 1952, стр. 168, 171.

растительными мотивами известны в погребениях могильника Кудыргэ на Алтае (монгольское время) ⁶. Поясной ремень с пряжкой, наконечником, обоймами, бляхами и рамками из агальмотолита найдены в погребении 2-го Часовеногорского могильника на среднем Енисее. Датируется погребение XIII—XIV вв. ⁷

Вопрос об этнической принадлежности погребения в Илийской долине может быть окончательно решен лишь по мере накопления материала. Однако предположение о связи таких погребений с киданями вряд ли правомочно. Так, физический облик погребенного в Илийской долине относится к смешанному (южносибирскому) типу, который находит аналогии не только в древнем, но и в современном населении Семиречья и Восточного Казахстана ⁸. Вероятнее всего, рассматриваемое погребение оставлено одним из тюркских племен, может быть карлуками, которым в XII — первой четверти XIII в. принадлежала Илийская долина с ханской резиденцией в городе Каялыке ⁹.

⁶ А. А. Гаврилова. Могильник Кудыргэ как источник по истории алтайских племен. М.—Л., 1965, стр. 60.

⁷ Там же, стр. 73, рис. 13, 17. При определении даты Илийского погребения, видимо, следует упомянуть о находках нефритовых пластинок на городище Талгар, в слое XIII—XIV вв. См.: К. М. Байпаков. Городище Талгар. Материалы II Научной конференции молодых ученых АН КазССР. Алма-Ата, 1970, стр. 479.

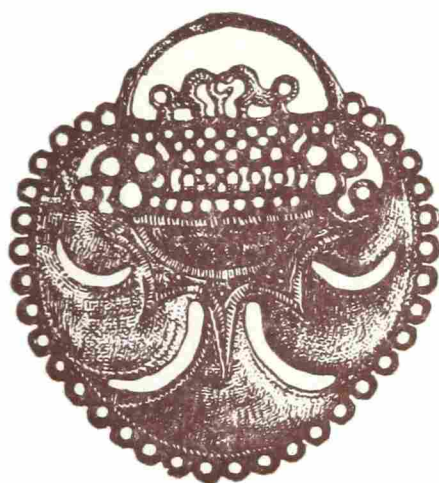
⁸ О. Исмагулов. Материалы по археологии тюрков Семиречья. Сб. «Новое в археологии Казахстана», стр. 126—127; его же. Антропологические данные о тюрках Прииртышья. «Культура древних скотоводов и земледельцев Казахстана». Алма-Ата, 1969, стр. 89, 90.

⁹ В. В. Бартольд. Очерк истории Семиречья. Соч., II, 1, М., 1963, стр. 51; его же. Двенадцать лекций по истории турецких народов Средней Азии. Соч., V, М., 1968, стр. 152.

ISSN 0038-5034

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

СОВЕТСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ

4

1981

АКИШЕВ А. К., БАЙПАКОВ К. М.

МЕДАЛЬОН С ИЗОБРАЖЕНИЕМ БОРЬБЫ С ДРАКОНОМ ИЗ ОТРАРА

В 1978 г. при раскопках городища Отрар-тоба был найден медальон из золотистой бронзы с барельефным изображением всадника, стреляющего из лука, на одной стороне и свернувшегося в кольцо дракона — на другой (рис. 1, а, б; 2, а, б). Изобразительные сюжеты на медальоне заслуживают специального исследования.

Находка была сделана на раскопе V в слое, датированном стратиграфически и комплексом находок концом XIII — началом XIV в.

Раскоп расположен рядом с северо-восточным въездом и состоит из собственно раскопа площадью 150 м² и траншеи через гребень бугра до его основания. Раскоп был заложен с целью выяснения параметров стены позднесредневекового Отрара, ее хронологии и увязки со стратиграфией верхних слоев городища.

Пятый, считая сверху, строительный горизонт синхронен времени постройки стены. Расчищены остатки около двух десятков жилых и хозяйственных помещений. Некоторые из них объединяются в комплексы отдельных городских усадеб. Часть построек погибла в результате сильного пожара. На полах помещений, в заполнениях комнат собрано много изделий из железа, бронзы, кости. Керамика, среди которой наиболее характерна группа поливной посуды с глазурями прозрачной, зеленой, желтой, голубой и росписями зеленой, черной, красной красками, датируется XIII—XIV вв.¹

Среди хорошо датированных изделий из металла заслуживает внимания бронзовое зеркало с изображениями «гона зверей», аналогичное ближневосточным зеркалам XII—XIII вв. [2, с. 32, 104, рис. 99]. Такие зеркала бытовали и в XIV в. Отрарское, судя по плохому качеству отливки, видимо, являлось местной копией.

Монеты горизонта относятся в большинстве своем к чекану Отрара, Алмалыка XIII—XIV вв.

Названный медальон обнаружен на полу одного из помещений (7). Он имеет диаметр 4,3 см. На ободке его кольцевой выступ. Петлевидное ушко протерто насквозь. Изображение выполнено в невысоком рельефе и очень схематично. На одной стороне показан всадник в островерхом шлеме (?) с натянутым луком в руках. Повод коня, видимо, привязан к поясу наездника. На левом боку всадника колчан со стрелами, уложенными оперением вверх. Под брюхом коня между ногами бежит какое-то животное (собака?). Конь изображен скачущим: передние ноги выброшены вперед и полусогнуты.

На оборотной стороне изображен дракон в профиль. Дракон изогнут таким образом, что голова оказалась внутри кольца, образованного телом.

¹ Аналогичная посуда известна по материалам стратиграфического шурфа 1969—1970 гг. [1, с. 106—110, рис. 67, 68].

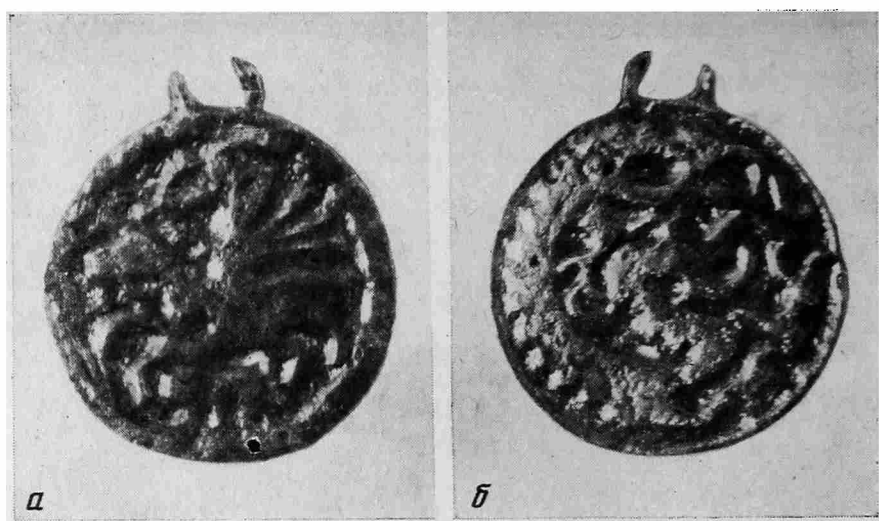

Рис. 1 (фото). *а* — изображение всадника, стреляющего из лука; *б* — изображение дракона

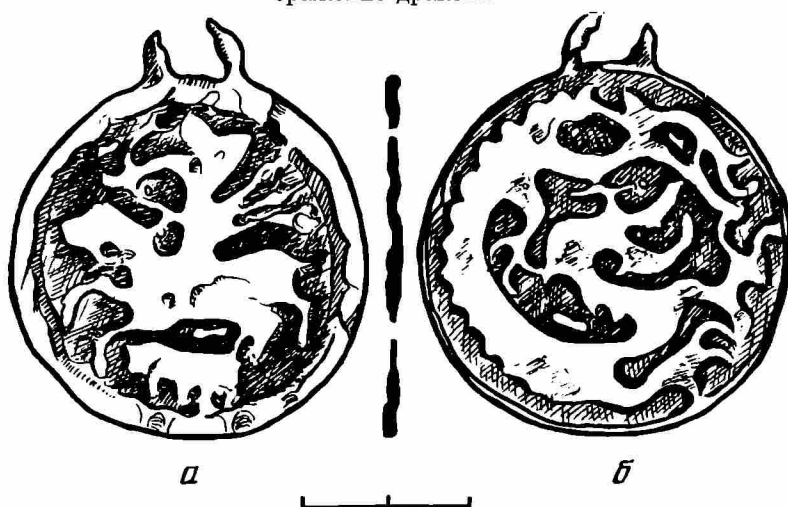

Рис. 2. *а, б* — прорисовка изображений на обеих сторонах медальона

Туловище его словно перекручено: задние ноги повернуты вверх. Лапы когтистые, трехпалые, имеют нетрадиционную для этого образа трактовку. Узкое длинное туловище дракона имеет волнистое обрамление. Хвост завивается в растительный усик. Оскаленная пасть изогнута вверх, кончик морды приподнят. У дракона имеется загнутый назад рог. Согласно китайской символике, изображен «небесный дракон» — «лун» [3, р. 109—115].

Зооморфные, а тем более антропоморфные мотивы довольно редки в средневековом искусстве Казахстана, где в тюркитике царствовали растительные орнаменты. Что касается отарского медальона, то его декор вводит нас в сферу жанровых композиций в изобразительном искусстве Средней Азии. Изображения всадника и дракона — это две стороны одной медали; их, несомненно, следует рассматривать как единую композицию, выражающую определенные отношения между этими образами.

Начнем с образа всадника. «Всадник» — то как символ кочевничества, то как воплощение неуязвимой воинской отваги — к XIII в. (наиболее вероятная датировка медальона) уже давно фигурировал в искусстве скотоводческих и земледельческих народов Евразии. Общий иконографи-

ческий канон с тех пор не претерпел существенных изменений. Истоки этого мотива не выяснены [4, с. 202, 203; 5, 178—190]. На Ближнем Востоке изображения всадников известны с конца II тысячелетия до н. э. Сцены охоты с участием всадников были распространены в монументальном и прикладном искусстве Ассирии и Ахеменидского Ирана [6, taf. 36—38]. Вероятно, позднее оттуда сложившийся изобразительный канон распространился в Средней Азии и Казахстане, Сибири и Китае, очень долгое время переживая или возрождаясь, подчас в весьма архаичных качествах. Использование этого мотива в прикладном искусстве обеспечило ему широкое распространение при сохранении «традиционных» признаков. Размноженные ювелирами и ремесленниками арманды «всадников» наводнили Среднюю Азию. В Сибирской коллекции Петра I имеется золотая скульптурка наездника, стреляющего из лука [7, илл. 265], — хорошее указание, в какую древность уводят истоки мотива на средневековом медальоне. «Сибирская» статуэтка определенно связывается, с одной стороны, с целой серией так называемых жанровых композиций с всадниками («охота на кабана», «возвращение из похода» и т. д.) на бляхах из той же коллекции [7, с. 142, 199, илл. 184, 185, 189, 190, 192], а с другой — с изображением всадника на многочисленных золотых плакетках из кургана «Тенлик», раскопанного в Семиречье [8, табл. 4а]. Все эти вещи датируются приблизительно одним и тем же временем — III—II вв. до н. э. Считая плодотворной гипотезу о влиянии искусства евразийских кочевников на китайское искусство периода Чжаньго и эпохи Хань [9, р. 212—223] (особенно при сложении сюжетных композиций), мы допускаем, что мотив всадника и охоты в искусстве Китая распространился в это же время. К эпохе эллинизма в Средней Азии этот мотив был уже традиционным. Не случайно он широко распространился в монетном чекане (монеты «Герая» из Хорезма, сако-кушанский чекан и др. [10, с. 278—286; 11, с. 231, 232]). Истоки мотива то ищут в эллинизированном чекане Бактрии и Парфии, то считают его местным [12, с. 45—47].

Думается, что на его распространении в Средней Азии сказалось влияние греко-бактрийского искусства, может быть в свою очередь воспринявшего мотив из Малой Азии, где изображения всадников и собаки широко представлены во фракийском искусстве [13, с. 227, 228; fig. 169, р. 282 (драхма Seuthes I)]. Сасанидское искусство, наследовавшее парфянскому [15], определило следующее развитие мотива. Изображения аристократических всадников, охотящихся на различных животных, прямо утвердились во всех видах изобразительного творчества [16, рис. 102, 106—108; 17]. Сложившийся канон оказал новое мощное влияние на трактовку мотива в средневековом искусстве Ближнего и Среднего Востока и Центральной Азии. Бронзовые рельефы из кургана № 6 Копенского чаатаса и костяные обкладки луки седла из могильника Кудыргэ, фрески в «Гробнице танцующих» из Южной Маньчжурии несут многофигурные композиции «охоты», влияние на которые сасанидской иконографии неоспоримо. А датируются эти изображения VI—VIII вв. и находят аналогии в позднеханьском искусстве [18, табл. I, VII, 1—4, табл. VIII, 1—3; 19, с. 48].

Ирано-сасанидские изображения были трактованы экспрессивно. Они детализированы в той мере, какая была необходима для передачи духовных качеств царственного седока. Массовое же повторение этой темы в различных материалах (металл, стекло, кость, шток, люстровая керамика), которое наблюдается в средневековье, уже к XII—XIII вв. привело к значительной деформации мотива. Изображения схематизировались до такой степени, что, например, на стеклянных медальонах дворца правителей Термеза, на некоторых бронзовых зеркалах и поливной посуде из Средней Азии мы встречаем своего рода изобразительные знаки мотива всадника [20, с. 212, 213, илл. 220, 224, 226; 2, с. 96, рис. 89, с. 104,

рис. 98]: экспрессия утрачена полностью. Это не отражение новых эстетических идеалов — изображения деформировались в процессе массового тиражирования. Изображение из Отрара также довольно грубое. Животное под ногами коня трактовано настолько схематично, что выглядит нелепым зверем, точное определение которого совершенно невозможно. Впрочем, благодаря тому, что в средневековье воспроизводился канонизированный мотив, иллюстрировавший и традиционные литературные описания, можно высказать предположения относительно того, какое животное изображено под ногами коня. На более тщательно выполненных изображениях «охоты» из Ближнего и Среднего Востока и репертуара ориентализированного искусства Византии XII—XIV вв. вид зверя, бегущего под ногами коня, определяется достаточно ясно: это собака [22, с. 205, 206]. Нередко встречаются и изображения ручных барсов. Об использовании этих животных на охоте сообщает епископ Филипполя Константин XII в.): «Охотников сопровождают пятнистые барсы... Охотники везли барсов на крупе своих венгерских лошадей...» [21, с. 206, 207]. Лучник, скачущий на коне вслед за охотничьим гепардом, изображен на одном из медальонов, украшавших бронзовый тазик из Египта (1290—1310 гг.) [22, fig. 138]. На бронзовом зеркале, вероятно происходящем из Ирана (XII в.), мы видим изображение всадника с соколом в руке, с гепардом, сидящим на крупе коня, и с собакой, бегущей под его ногами [20, илл. 226]. В Эрмитаже хранится бронзовое зеркало X—XIII вв., очень напоминающее отрарский медальон, хотя и в большей мере воспроизводящее сасанидские традиции. Изображен всадник, стреляющий из лука в диких зверей, которых загоняют гепарды; аналогичный сюжет имеется на бронзовом зеркале из Ургенлисай (округ Тараза [20, илл. 224; 23, рис. 36]. Все эти произведения являются точными иллюстрациями излюбленной темы средневековой поэзии и эпосов — темы охоты. На Востоке место вечного блаженства нередко заменяется метафорой «сад»; воображаемый парадиз часто описывается как охотничий парк. Что касается повествования об охотничьих забавах — они переполняют равным образом и поэзию, и эпосы, и исторические сочинения средневекового Востока.

Кабус в наставлениях своему сыну («Кабус-намэ», XI в.) пишет: «О сын, знай, что восседать на коне и охотиться и играть в чоуган — занятие для благородных мужей, особенно в юности... если любишь охоту, занимайся охотой с соколами, чаргом, шахином, барсом и собакой... А если царь охотится с собаками, то царю не годится вести собак, нужно, чтобы их спускали перед ним рабы, а он смотрел... а если охотишься с барсом, то никоим образом барса позади себя на коня не бери, ибо неприятно царю держать (самоу) барса...» [24, с. 118, 119].

Вспомним «Шах-намэ»:

«В дорогу и соколов взяли, и псов;
По воле Бижена затеяли лов...
В пути, что ни шаг, то пронзенная лань —
Свирепости гончих кровавая дань» [25, с. 117, 118].

Кстати говоря, именно эпизоды из «Шах-намэ» были излюбленными в композициях по металлической утвари как Рея и Кашана, так и Мавераннахра и Византии. Впрочем, мотив всадника был популярен и на иранском шутовом рельефе XII—XIII вв. [26, р. 1, 518], и на люстровой керамике.

В XIV—XV вв. этот мотив пережил особый подъем в связи с расцветом миниатюры с ее богатейшей колористической гаммой и большой выразительностью рисунка [27; 20, с. 288, илл. 283(XV), 337]. Охота на Востоке — это нередко метафора удачной войны.

Не меньшее распространение в литературе и изобразительном искусстве имел образ священного воителя со злом. Среди изображений, наиболее близких к оттарскому по стилистическим особенностям и в отношении хронологии (XII—XIII вв.), приведем батальные сцены на круглых медальонах чаш византийского искусства. Здесь всадники с копьями и луками встречаются и в миниатюрах [21, с. 139—144, рис. 18, 22, 86, 87]. Распространен был и образ св. Георгия с нимбом, сидящего на коне и копьем поражающего дракона (Георгий Победоносец — в древнерусском искусстве XII—XIII вв.) [21, 144—149]. Такая иконография Георгия сложилась в XI в., а была заимствована из ближневосточного искусства. За тысячи километров от Византии, в сроткинской культуре [28, с. 97, табл. 1, 25], мы встречаем похожие, хотя и сильно схематичные изображения всадника с нимбом. В исламской культуре тема джихада (газавата) и соответствующая ей иконография считались сакральными. Батальные сцены превратились в своего рода эстетический идеал, до бесконечности повторяющийся во всех видах художественного творчества, а в геральдике в особенности. Великому философу «мусульманского Ренессанса» аль-Фараби необходимость священных войн представлялась аксиомой: «Истинный правитель... является первым главой, и именно в нем сочетаются шесть условий: мудрость, совершенная рассудительность, (способность) отлично убеждать, (способность) отлично представлять в изображении, способность физически вести священную войну и то, что его тело не имеет ничего мешающего ему заниматься делами, связанными со священной войной» [29, 54(1), с. 218]. Воинские деяния считались высшей доблестью, а покорение мира — заповедью Аллаха. «Рай находится под тенью мечей», — говорил Тимур и пояснял: «Ведение священной войны несет двойную пользу: одна — прекрасное воздаяние (за это) в этом мире в виде славы, и другая — великая награда (в будущей жизни)...» [30, с. 26, 154].

Понятно, что древнейший образ непобедимого воина занимал умы художников Востока, старавшихся в различных материалах воплотить его изображение и сакральный потенциал, которым оно, по мнению современников, обладало. Неизвестный мастер из Отрара создал медальон, подражая изобразительному канону, широко распространенному на Ближнем Востоке и в Средней Азии.

Оттарский воин скачет в сопровождении собаки, он натянул лук, готовясь поразить какую-то цель. А на обратной стороне медали ползет чудовищный дракон, разинувший огромную пасть и выпустивший вперед когти. Две стороны медали — как белое и черное, они противопоставлены и по иконоическим признакам: реалистическое изображение всадника и фантастический дракон. Общая идея, вероятно, связывалась с борьбой добра и зла, праведного и неправедного, воплощенных в двух образах. Древнейшая концепция дуализма в таких религиях, как зороастризм, христианство и ислам, приобрела этическое значение. Мотивы газаватов или крестовых походов обычно оформлялись в виде обвинения в зле глобального масштаба — в неверии или иповерии, ведущем мир к хаосу и разрушению.

При изображении борьбы с драконом в средневековом искусстве мог быть переосмыслен один из самых архаичных мифов о Громовержце и Змее, существовавший у индоевропейцев и распространившийся во многих районах Евразии [31].

Относительно характерной трактовки дракона с уверенностью можно сказать, что влияние на сибирское, среднеазиатское и ближневосточное искусство художественных традиций народов Центральной Азии и Дальнего Востока в средние века проявляется вполне рельефно. Генезис иконографии «китайского дракона» до сих пор не выяснен и представляет тему для отдельного исследования. Отметим только, что дракон на оттарском медальоне по ряду признаков сопоставим с сунскими и юань-

скими изображениями [32, с. 111, табл. XIII; 33, с. 74], хотя заметна определенная местная стилизация мотива, в общем-то мало распространенного на Востоке.

К западу от средней Сырдарьи близкие изображения этого чудовища встречаются в материалах XIII—XIV вв. Это, например, дракон на глиняной формочке для отливки металлического украшения, найденный в золотоордынском городе Увек [34, с. 118, рис. 30, 31].

Интересно, что в китайском искусстве и литературе существовало определенное расхождение между изобразительными и письменными характеристиками дракона. Хотя изображения драконов были известны уже в иньское время на гадательных надписях и сосудах [35, рис. 27; 36, с. 119; 37, с. 26, 27], они очень мало напоминали традиционный мотив «лун», окончательно сложившийся только в эпоху Хань. С этого времени широко известны изображения драконов-рептилий с рогами, удлинённым телом в характерной «распластанной» позе, с длинной пастью и хвостом, часто имеющим ветвистые отростки. В ханьское время появляются три вида дракона и этот зверь становится эмблемой императорской власти [3, р. 110, 113].

Го Жосуй в своих «Записках о живописи» эпохи династии Сун советует различать при изображении дракона «девять сходств» [38, с. 24]: рога как у оленя, голова верблюда, глаза демона, шея змея, живот как у морской змеи, чешуя рыб, когти сокола, лапы тигра, уши быка [3, р. 110, 113] — явно синкретический образ, совмещение метафор. Изображали же дракона, словно повторяя, хотя и с известной стилизацией, канон ханьского времени.

В виде предположения заметим, что было бы интересно проверить, не повлияло ли на ханьцев искусство сако-сарматского «звериного» стиля, где образы и синкретических, и гиперболизированных зверей, часто в причудливой стилизации, нужной для «заполнения» различных форм, были исключительно развиты. Не исключено, что «ханьский» дракон «родился»... у племени Южной Сибири, Казахстана и Средней Азии во второй половине I тысячелетия до н. э., чтобы позднее вернуться назад уже как заимствование.

Ни одна из шести гипотез о создании образа дракона [36, с. 124, 125] не располагает убедительными аргументами, ибо исходит из предпосылки, что иконография навеяна стремлением воспроизвести реально существовавший вид животного (рептилии, земноводного, пресмыкающегося, динозавра и т. д.). В своем сложении образ мог иметь сразу несколько истоков, среди которых — осмысление зооморфных агглютинаций скифо-сибирского «звериного» стиля, навеянных мифами, но претерпевших сильное формальное орнаментализирующее изменение на основе культов различных рептилий, особенно офиолатрии (едва ли не универсального явления у народов мира) [39, с. 406, 407].

Отношение к змеям в разных религиозных воззрениях обычно многозначно и противоречиво. Перед ядовитыми змеями человек испытывает страх. Может быть, в этом одна из причин их превалирующего хтонизма. Выделяются черты культа змей, которые характерны для отношения к ним почти везде. Это — связь с водой, репродуктивным циклом и производными «женского» ряда двоичной классификации. В то же время очень часто змея оценивается как опасное существо, воплощение зла.

«Китайский дракон» связан с фаллической, оплодотворяющей символикой, но также олицетворяет и воду, дождь, гром, молнию и т. д. [40, р. 36; 41, с. 124, 125]. Круглые красные предметы считались его принадлежностью и соотносились с такой же символикой. Как и Белый тигр [42, с. 34—42], Черная черепаха и Красный феникс, Голубой дракон входил в категорию «четырех чудесных существ» — сышен и ассоциировался с восточным углом квадранта ураносферы. Негативные оценки образа дракона в китайском символизме подавлены его значением как

олицетворения власти императора. Идеология конфуцианства превратила этого устрашающего монстра в символ государственной власти, в герб, под которым развевалась агрессивная политика многих династий, в том числе и монгольской династии юань.

Иначе оценивался этот образ в Центральной, Передней и Средней Азии, в Казахстане и Сибири. Интересно, что в древнейших источниках по культу рептилий, и особенно змей, эти животные, как и дракон в даосских комментариях, связываются со стихиями воды, с молниями, громом, дождем и т. д. (ср. АВ, X, 4(23); IV, 15). В троичных моделях мира змея обычно ассоциируется с низом, глубиной — с преисподней, подземным миром и хтоническими циклами [43, с. 3—15; 44, р. 50—55; 45, р. 130]; в горизонтальной модели — с оборотной, задней стороной, с невидимым (темным) и поэтому опасным. Эти представления очень типичные. Они дошли до наших дней и проявляются, например, в фольклоре и религиозных воззрениях народов Средней Азии и Казахстана [46, с. 193; 47, с. 63, 96, 143]. Нам доводилось слышать легенды, связанные с городищем Отрар-тобе, в которых фигурируют гигантские змеи или дракон Айдагар, окружающие развалины города со всех сторон и скрывающиеся под землю. Такие легенды распространены достаточно широко. Так, например, легенда об Айдагаре, который через каждые 100 лет, если его не ранить, ночью выползает из-под земли и вырастает в несколько раз, пока к концу третьего периода (всего 300 лет) не превратится в страшного дракона (после чего на округе обрушатся несчастья и войны)², очень схожа с преданиями баргутов о «лоу» (может быть, от кит. «лун» — дракон) [48, с. 92, 93].

В «Авесте» в вариантах мифа о борьбе героя со змеем говорится о чудовищах, два из которых по описаниям сходны с драконом. Это «чудовище Дахака, (имевшее) три пасти, три головы, шесть глаз, (обладающее) тысячью сил», и «чудовище Срувар (может быть «рогатое»), коней глотавшее, полное яда желтого, по которому яд (желтый) бил струей вышиною в сажень» (Ясна 9, 7—11; Замйад-Яшт 3—40, 45—54). Оба чудовища — создания духа тьмы и зла Ангро-Майнью — имеют и змеиные черты. Мотивы борьбы героя с чудовищами, дэвами и другими порождениями зла за освобождение вод, людей, скота, за плодородие и т. п. стали очень популярными в Средней Азии. Они встречаются, например, в согдийских фрагментах о Рустаме, сражающемся вместе со своим конем Рахшем против дэвов, которые передвигаются верхом на змеях и ящерицах, свиньях и собаках, изрыгают огонь и дым; в манихейских переработках апокрифической книги Эноха, где библейский «Ог, царь Башана», трансформировался в иранского Сама (Керсаспа), убившего дракона Ажи-Дахака, и многих других [49, с. 133, 134]. Великий Фирдоуси поэтически осмыслил подобные мифологические и эпические сюжеты в «Шах-намэ». Рустам — победитель дракона и другие герои стали наиболее популярными образами в литературе и искусстве.

«Поганую голову снес он мечом.

Кровь злого дракона забила ключом» [50, с. 374].

Было бы неверным полагать, что все мастера, изображавшие бой всадника с драконом, иллюстрировали подобные отрывки «Шах-намэ». Как мы старались показать, в Азии цикл драконоборчества имел очень глубокие истоки. Он был известен и тюркам. Так, например, сцены сражения вооруженного луком и мечом Огуза с «единорогом» (название условное, так как смысл термина KĪAT [51, 3—6 (с. 24—26)] в карлуко-уйгурском недостаточно прояснен) удивительно напоминают фрагменты «Авесты» с описаниями сражения Керсаспы с чудовищем Срувар, коней и людей глотавшем.

² Записано в с. Баялдер Кызыл-Кумского района Чимкентской обл.

Думается, что в XIII в. (время оттарского медальона) жители оттарского оазиса заимствованные иконические мотивы переводили и на язык своих сложившихся либо органично вошедших в их культуру мифов, эпосов, легенд и преданий.

Средневековое искусство с его любовью к метафоризму и символике благопожелания имело выраженную сакральную направленность. Символизм подразумевался действенным. Мотив сражения героя с драконом оживал подчас в неожиданных проявлениях. В миниатюрах рукописи Абд-ар-Рахмана ас-Суфи «Таблицы неподвижных звезд» (1437 г.), изготовленной для Улугбека, приводятся астральные символы. Созвездие Дракона передается изображением дракона, Стрельца — изображением всадника, стреляющего из лука [20, с. 296]. В зодиакальном цикле на поливном блюде из Абд ал-Вахид (Иран, 1563—1564 гг.) Стрелец представлен кентавром, стреляющим из лука в дракона, под которого стилизован хвост (!) его коня [52, Taf. 84]. Миф о змееборстве имел тем самым и астральный код. В календарный праздник Михраган иранцы праздновали сковывание дракона Ажи-Дахака, у ахеменидов изображения борьбы царя с чудовищем символизировали победу на наурузе (т. е. в день великого равноденствия); согласно Бундахишну, борьба богов с исчадиями зла лежит в основе гороскопа [53, р. 265—270; 54, р. 139; 55, р. 511—529]. Подобные мифы, легенды и инсценирующие их ритуалы и состязания были знакомы большинству народов Средней Азии и Казахстана. Они особо актуализировались именно в период календарных праздников плодородия и в другие важнейшие события жизни. Оттарский медальон тем самым мог быть и амулетом, использовавшимся в каких-то обрядах.

Заканчивая обзор интерпретаций сюжета на оттарском медальоне, следует подчеркнуть, что сила мотива драконоборчества не исчерпывалась только его эстетическими и репродуцирующими качествами. Он должен был быть действенным. Он омысливался всякий раз заново в зависимости от социальной и исторической ситуации. Тема борьбы со злом для человечества была и будет актуальной всегда.

ЛИТЕРАТУРА

1. Акишев К. А., Байпаков К. М., Ерзакович Л. Б. Древний Оттар. Алма-Ата: Наука, 1972.
2. Лубо-Лесниченко Е. И. Привозные зеркала минусинской котловины. М.: Наука, 1975.
3. Williams C. A. S. Outlines of Chinese Symbolism. Peiping, 1931.
4. Толстов С. П. Древний Хорезм. М.: Изд-во МГУ, 1948.
5. Кузьмина Е. Е. Навершие со всадниками из Дагестана. — СА, 1973, № 2.
6. Barnett R. D. Assyrische Palastreliefs. Prague, 1960.
7. Артамонов М. И. Сокровища саков. М.: Искусство, 1973.
8. Акишев К. А. Курган Иссык. Искусство саков Казахстана. М.: Искусство, 1978.
9. Laufer V. Chinese Pottery of Han Dynasty. Leiden, 1909.
10. Толстов С. П. К истории хорезмийских Сиявушидов. (Новые данные по нумизматике древнего Хорезма). — Изв. АН СССР. Сер. истории и философии, т. II, 1945, № 4.
11. Пугаченкова Г. А. Халчаян. К проблеме художественной культуры Северной Бактрии. Ташкент: Фан, 1966.
12. Вайнберг Б. И. Монеты древнего Хорезма. М.: Наука, 1977.
13. Златковская Т. Д. Возникновение государства у фракийцев VII—V вв. до н. э. М.: Наука, 1971.
14. Head B. W. Historia Numorum. A manual of Greek numismatics. Oxford, 1911.
15. Ghirshman R. Iran. Parther und Sasaniden. München, 1962.
16. Восточное серебро. Атлас древней серебряной и золотой посуды восточного происхождения, найденной преимущественно в пределах Российской империи. СПб., 1909.
17. Фрай Р. Наследие Ирана. М., 1972.
18. Киселев С. В. Древняя история Южной Сибири. М.: Изд-во АН СССР, 1951.
19. Ли Ок. Легенда о золотой короне. — Курьер ЮНЕСКО, 1979, январь.
20. Пугаченкова Г. А., Ремпель Л. И. История искусств Узбекистана с древнейших времен до середины XIX в. М.: Искусство, 1965.

21. Даркевич В. П. Светское искусство Византии. М.: Искусство, 1975.
22. Rice D. Islamic Art. London, 1977.
23. Сенигова Т. Н. Средневековый Тараз. Алма-Ата: Наука, 1972.
24. Кабус-намэ / Пер., статья и прим. Е. Э. Бартельса. М.: Изд-во вост. лит-ры, 1958.
25. Фирдоуси. Шах-намэ. Т. 3. М.: Изд-во АН СССР, 1959.
26. SPA, Y.
27. Godar A. Umetnost Irana. Beograd, 1965, VI.
28. Савинов Д. Г. Расселение кимаков в IX—X вв. по данным археологических источников.— В кн.: Прошлое Казахстана по археологическим источникам. Алма-Ата: Наука, 1976.
29. Аль-Фараби. Социально-этические трактаты. Алма-Ата: Наука, 1973.
30. Гийасалдин 'Али. Дневник похода Тимүра в Индию. М., 1958.
31. Иванов В. В., Топоров В. Н. Исследования в области славянских древностей. Лексические и фразеологические вопросы реконструкции текстов. Ч. 1. М.: Наука, 1974.
32. Сычев Л. П., Сычев В. Л. Китайский костюм. Символика и история. М.: Наука, 1975.
33. Древний орнамент. Сиань, 1953 (на кит. яз.).
34. Баллод В. П. Приволжские «Помпеи». М.— Пг., 1923.
35. Крюков М. Б., Софронов М. В., Чебоксаров Н. Н. Древние китайцы. Проблемы этногенеза. М.: Наука, 1978.
36. Терентьев-Катаевский А. П. Китайская легенда о драконе.— В кн.: Страны и народы Востока. Вып. XI. М.: Наука, 1971.
37. Виноградова Н. А. Проблема структуры мироздания и зарождения поэтической символики в искусстве Древнего Китая II тыс. до н. э.— Сообщ. ГМИНВ, 1977, вып. IX.
38. Го Жосюй. Записки о живописи: что видел, что слышал. М.: Наука, 1978.
39. Тэйлор Э. Первобытная культура. М., 1939.
40. Karlgren B. Some fecundity symbols in ancient China. Stockholm, 1930.
41. Сычев Л. П. Китайский декор как часть единой системы космологических символов.— Сообщ. ГМИНВ, 1977, вып. IX.
42. Акишев А. К. Резной нефрит из Отрара.— В кн.: Археологические исследования в Отраре. Алма-Ата: Наука, 1977.
43. Топоров В. Н. ПΥΘΩΝ, ΑΝΙΒΟΥΗΝΥΑ, ΒΑΔΗΑΚ и др.— В кн.: Этимология 1974. М.: Наука, 1976.
44. Zimmer H. The Art of Indian Asia. Its Mythology and Transformations. V. I—II. Bollingen series, XXXIX. Kingsport, 1955.
45. Campbell L. A. Mithraic Iconography and Ideology. Leiden, 1968.
46. Толстов С. П. Религии народов Средней Азии.— В кн.: Религиозные верования народов СССР. М.: Моск. рабочий, 1931.
47. Каскабасов С. А. Казахская волшебная сказка. Алма-Ата, 1972.
48. Потанин Г. Н. Монгольские сказки и предания.— Записки Семипалатинского подотдела Западно-Сибирского отдела РГО, 1919, вып. XIII.
49. Брагинский И. С. Из истории таджикской и персидской литератур. Избранные работы. М.: Наука, 1972.
50. Фирдоуси. Шах-намэ. Т. 1. М.: Изд-во АН СССР, 1957.
51. Щербак А. М. О Огуз-наме. Мухаббат-наме. М.: Изд-во вост. лит-ры, 1959.
52. Brentjes B. Chane Sultane. Emire. Der Islam vom Zusammenbruch des Timuridenreiches bis zur europäischen Okkupation. Leipzig, 1974.
53. Duchesne-Guillemin J. A la recherche d'un art mazdéen.— In: V Congress of Iranian Art and Archeology. Teheran, 1972.
54. Zaehner R. C. The Dawn and Twilight of Zoroastrianism.— In: History of Religion. London, 1961.
55. MacKenzie D. N. Zoroastrian Astrology in the Bundahišn.— BSOAS, 1964, v. XXVII, p. 3.

A. K. Akishev, K. M. Baipakov

AN OTRAR KNIGHT-AND-DRAGON MEDALLION

Summary

The article describes an interesting finding from the Otrar settlement — a bronze medallion showing a rider with a bow on one side and a dragon on the other dating back to the 13th century.

Stylistically the medallion is close to the Mid-Eastern objects, but also to the Youan objects. The image of the rider and the dragon is identified with the image of a Hero crushing the Serpent, the symbol of Evil, an image popular in Central Asia where it was considered a badge of magic.